

Сегодня президент России Владимир Путин снова приехал на космодром Восточный и проводил-таки в первый и последний путь космическую ракету «Союз». Специальный корреспондент “Ъ” АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ узнал от президента много нового: оказывается, тот, например, очень сомневался, что ракета взлетит с первого раза, и вообще не сомневался, что взлетит во второй. Кроме того, выяснилась удивительная подробность: сразу после удачного старта все высшее руководство космической отрасли получило от Владимира Путина не награды, а строгие выговоры.

Утро 28 апреля ничем не могло отличаться от утра 27 апреля — и не отличалось. Та же дорога от Углегорска до стартового комплекса, те же люди на обочинах, уже на всякий случай жадно всматривающиеся куда пока не надо, то есть в высь, второй день смущающую душу.

Те же самые полицейские на постах и те же самые не буду говорить кто.

Сказать, что это был день сурка, — ничего не сказать. Это был день Зверя, похожего, конечно, на сурка, но неизмеримо шерстистей, зубастей и ржаво-желтей.

Вот-вот, я знал, на наблюдательном пункте должны появиться вице-премьер Дмитрий Rogozin, глава президентской администрации Сергей Иванов, глава Роскосмоса Игорь Комаров и Владимир Путин. Тоже вчерашний состав.

Фото: Дмитрий Азаров, Коммерсантъ

Но видел я и отличия от вчерашнего. Небольшой письменный стол с биноклями для лучшей усвояемости старта ракеты находился теперь не скромно в тени, не привлекая не то что лишнего, а вообще ничьего внимания, а на самом видном месте — там, где вчера стоял, наблюдая за пусками, Владимир Путин. Теперь за ними должен был наблюдать стол.

Да и разговоры среди сотрудников Роскосмоса были другие. То есть я слышал, что кто-то, анализируя сообщение, что накануне пуск заблокировала автоматика, предполагал, что на

этот раз пуск будет, конечно, успешным, потому что автоматику просто отключат, чтобы и теперь чего не вышло...

Первый заместитель главы Роскосмоса и глава Госкомиссии Александр Иванов, как и вчера, был здесь и на связи.

— Персонал эвакуирован,— сообщил динамик тем же не сулящим перспектив голосом.

— Разбежались... — вздохнул Александр Иванов.

Он отчего-то вспомнил, что вчера в Якутии был национальный праздник и что глава Якутии в связи с этим сильно просил перенести пуск ракеты с 27 на 28 апреля.

Многое начинало проясняться.

Александр Иванов, кроме того, рассказал, что неисправность накануне была сразу найдена.

— Сразу поменяли?

— На всякий случай поменяли все! — заверил господин Иванов.

Он сегодня был повеселее, чем вчера. Он, человек, реально руководящий всеми пусками, рассказывал, как не любит фильмы «Гравитация» и «Марсианин» за то, что они вообще никакого отношения к действительности не имеют, и вспоминал, как не так давно к нему обращались люди режиссера Тимура Бекмамбетова с просьбой помочь в съемке одного фильма про космос, и как он помог, и как начали снимать кино про наших космонавтов, но ни одного космонавта или хотя бы актера, играющего космонавта, на съемочной площадке не было, а ракета вообще была непилотируемая. «Ничего,— сказали ему создатели фильма,— космонавтов потом дорисуем...» Тут-то и разочаровался Александр Иванов в кино.

Первый заместитель главы Роскосмоса к тому же рассказал, что вчера сразу же по голосу диктора понял: что-то идет не так. А окончательно осознал, куда именно идет, на слове «продувка».

— А на каком слове будет понятно, что все хорошо?

— На слове «подъем»,— предположил Александр Иванов.

Между тем появились люди в касках. Это позвали строителей, которые, наверное, могли не только привлечь внимание президента, но, если что, и отвлечь внимание от него.

Строители шли как-то совсем уж печально, словно на казнь. Они подошли к краю смотровой площадки, за которой был высокий обрыв, и теперь стояли под ним, просто как под Бабьим Яром. Им, кажется, не нравилась их участь. Они понимали, что в случае чего они лягут первыми от высокого гнева, о котором тут в случае новой неудачи, кажется, никто не хотел даже думать.

Один из них подошел к столу и задумчиво повертел в руках кожаный чехол, в котором лежал бинокль. Надпись на чехле была эпичная: «Первый пуск с космодрома Восточный». Надпись, кстати, следовало переправить: это был уже второй пуск.

Строителей между тем выстроили теплым, дружественным полукругом. И вот в него наконец влился Владимир Путин.

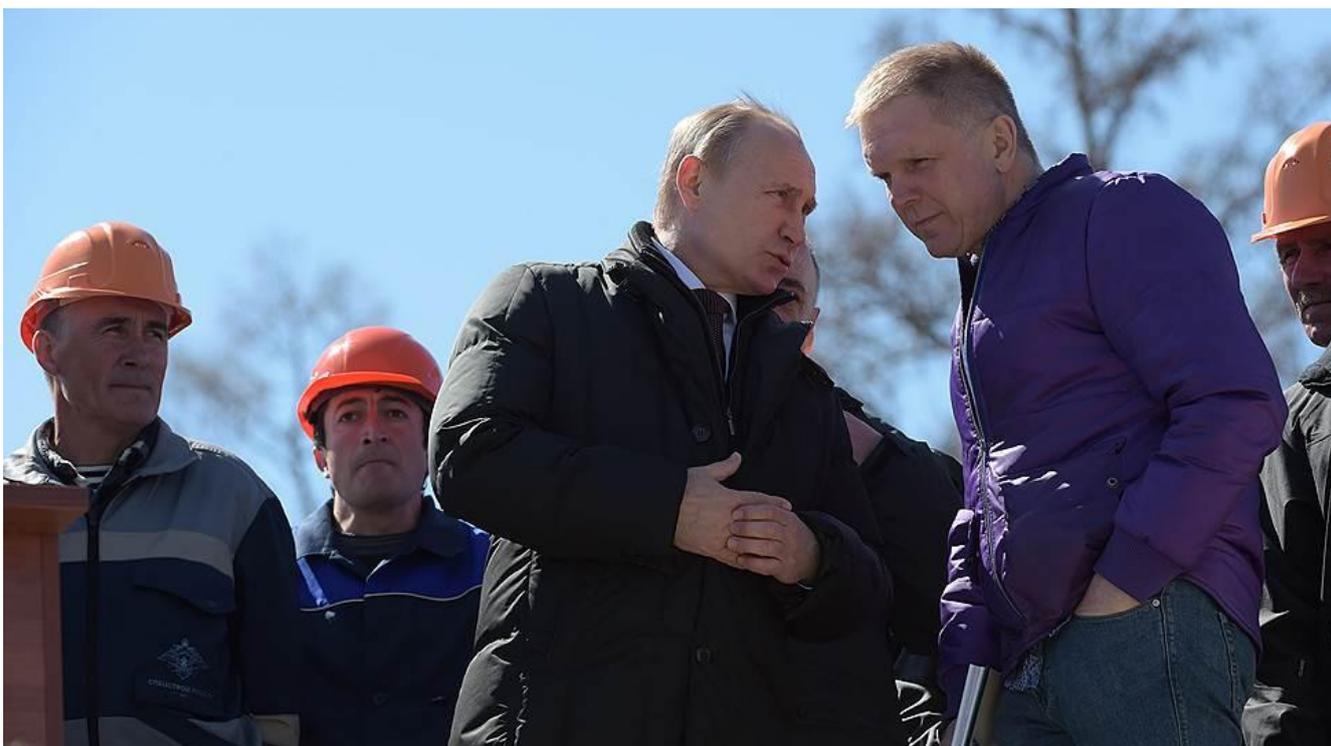

Фото: Дмитрий Азаров, Коммерсантъ

— Готовность к пуску пять минут... — сообщили из динамика.

И еще через некоторое время:

— Ключ на старт!

Строители стояли неподвижно и даже окаменело, хотя было ветрено настолько, что их должно было даже покачивать. Да, на строителей можно было опереться. И только одна девушка, бросив всех, в том числе президента, лихорадочно снимала ракету на телефон.

— Продувка,— вскрикнул все тем же голосом динамик.

Неуверенности в этом голосе, впрочем, не было. Уверенности — тоже. Вообще ничего в нем не было. Он был такой же, как вчера. Это мне не нравилось. Между прочим, именно на этом месте мы вчера и застряли.

Тут я не выдержал и спросил Владимира Путина:

— Взлетит?

Вопрос был, конечно, опасный для него. До взлета ракеты оставалось полторы минуты. Давать прогноз в такой ситуации было делом совершенно неблагодарным.

— Взлетит,— ответил он.— Обязательно взлетит.

Подумал и добавил, чтобы не было никаких сомнений:

— Даже сомнений нет никаких.

— Так вчера тоже не было! — вспомнил я.

— Вчера у меня, кстати, были сомнения, — сказал президент. — И большие, между прочим, сомнения.

— А когда взлетит?

— Через четыре минуты, — произнес Владимир Путин.

На самом деле оставалось уже меньше минуты. Я понимал, что хочет продемонстрировать Владимир Путин — абсолютную свою уверенность, и что не зря остался, и что принимает вызов: да, перед самым стартом могу, дает понять, сказать, что взлетит, и никакие суеверия ни при чем. И еще что-то хотел сказать.

И сказал очень тихо:

— Сомневаться надо, да. Но и верить надо.

— Вы верите? — переспросил я.

— А вы? Сейчас посмотрите.

И он снова, оказывается, не договорил:

— И работать надо. Ничего не поделаешь — работать...

— Вы работали вчера над этим?

— И вечером, — сказал он. — И ночью.

— Пуск! — прозвучало из динамиков то ли ледяно, то ли безжалостно, то ли, как обычно, никак.

Фото: Дмитрий Азаров, Коммерсантъ

Ракета взлетела. И я уже слышал:

— 40 секунд! Тангаж, рыскание, вращение в норме. 60 секунд, полет нормальный... 100 секунд, параметры в норме... Одну пожарную машину на старт... Есть отделение боковых блоков!.. 170 секунд...

Тут строители бросились обниматься.

Теперь Владимир Путин разговаривал уже с ними. Они-то с ним не очень, а он с ними — да:

— Техника вчера немного перестаралась, можно было и вчера пускать.

Ну да, то есть и вчера еще автоматику можно было отключить.

Владимир Путин отошел от строителей, но прежде чем повернуться к ним спиной, поднял указательный палец, посмотрев на меня: «Я же говорил, что взлетит...»

Спорить тут было не с чем.

Но Сергей Иванов рассказывал, как долго выбирали место для космодрома: не меньше двух лет. У него спросили, как он будет праздновать.

— Да никак,— ответил он.— И так график был сильно нарушен, как вы догадываетесь. Нет, просто в самолет!

— Значит, в самолете будете праздновать,— предположил я с большой долей уверенности.

— Да нет,— махнул он рукой, но не очень убедительно.— Главное, чтобы в душе праздник был. Поволновался я.

Я потом спросил его, можно ли было построить космодром быстрее.

— Знаете,— пожал он плечами,— при таких трудностях, при таких косяках... — он замялся.— При воровстве... построить это за пять лет от нуля до первого пуска... это не коттедж... это мировой рекорд! Мы, конечно, не фиксируем, но все-таки... я был на Куру, а там космодром гораздо дольше строили. И принципиальные отличия от Байконура (у Восточного.— “**Б**”): в разы же и в разы удобней. Надо только взлетно-посадочную полосу построить... Гостиница, сервис весь...

— Конечно,— поддержал я,— иностранцы ведь будут приезжать!

— Конечно,— согласился Сергей Иванов.

Высокопоставленный сотрудник Роскосмоса, который слышал этот разговор, счел своим долгом сообщить, что и вчера, и сегодня пуск транслировали в рамках стратегического партнерства в американский Хьюстон.

— Вчера им больше понравилось,— убежденно сказал мой собеседник.

— Да, перенервничали мы,— произнес Дмитрий Rogozin.

Пока строители и некоторые сотрудники пускового расчета поздравляли друг друга и принимали поздравления после того, как ракета скрылась из виду после старта, Владимир Путин вызвал в небольшой домик на наблюдательном пункте руководителей космической отрасли России: Дмитрия Rogozina, Игоря Комарова и руководителя НПО автоматики Леонида Шалимова, а также Александра Иванова. Он устроил им настоящий разнос — не из-за вчерашнего сбоя, который привел к отмене пуска «Союза», а из-за его причины. Дело в том, что, как выяснилось, не сработал топливный клапан. На самом деле он был в порядке — не проверили то ли кабель, который вел к этому клапану, то ли пайку кабеля. Таким образом, случившееся оказалось примером идеального разгильдяйства. Владимир Путин объявил выговор Дмитрию Rogozину, строгий выговор — Игорю Комарову и постановление о неполном служебном соответствии — гендиректору НПО автоматики Леониду Шалимову, с предприятия которого в Екатеринбурге и был получен тот самый кабель, сигнал от которого о неисправности получила автоматика.

И это был большой сюрприз на фоне зарождающегося всенародного торжества после успешного пуска ракеты «Союз» 28 апреля 2016 года.

Около пустого стартового стола собралось человек 300. Это были все, кто занимался этим пуском. Произносили речи. Отовсюду несло троекратное «ура!», запоздавшее со вчерашнего дня.

Я пригляделся. Не понятно, для чего нужна была та пожарная машина. Вообще ничего нигде не обгорело, даже странно. Умеют же, если захотят, как говорится. Или как там.

Но для чего-то она же нужна была все-таки.